

Ганс-Ульрих фон Кранц
Золото третьего рейха. Кто владеет
партийной кассой нацистов?
Серия «Лабиринты истины»

Текст предоставлен литагентом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180664

Золото Третьего рейха. Кто владеет партийной кассой нацистов?: Вектор; СПб.; 2008

ISBN 978-5-9684-1094-8

Аннотация

Книга, которую вы держите в руках, посвящена малоизвестной теме – золоту Третьего рейха. Вернее, известной, но далеко не с той стороны, с какой ее раскрывает Кранц. Кто финансировал фюрера? Каким образом Германия, в начале 30-х годов находившаяся в пучине кризиса, сумела несколько лет спустя успешно противостоять всему миру? И – самое главное – куда после войны делись несметные богатства Третьего рейха?

Все эти темы старательно замалчиваются обычными историками, либо на вопросы даются крайне расплывчатые и невнятные ответы. Гансу-Ульриху фон Кранцу, автору нескольких бестселлеров о тайнах Третьего рейха, удалось проследить всю историю финансирования нацистских организаций от начала и до конца...

Содержание

Предисловие издательства	4
К моим читателям	6
Глава 1. КТО ВЫ, ДРУЗЬЯ ГЕРМАНИИ?	8
Дело «А-4051»	10
Путь на восток	12
«Друзья Германии» – кто они?	15
Куда исчез Дональд Глейн?	19
Под крылом Чикагского клуба	21
Глава 2. ОТКУДА ВЗЯЛСЯ ГИТЛЕР?	23
Загадочная подпись	23
Путци	25
Спаситель нацизма	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ганс-Ульрих фон Кранц Золото Третьего рейха. Кто владеет партийной кассой нацистов?

Предисловие издательства

Сегодня в серии «Лабиринты истины» мы представляем еще одну книгу, от публикации которой отказались десятки издательств по всему миру. Уж слишком невероятными и не укладывающимися в привычные схемы кажутся факты, собранные на ее страницах. Тем не менее, эта книга разошлась по всему миру миллионными тиражами. Сегодня она появилась и в России.

Думаем, Ганса-Ульриха фон Кранца не нужно представлять отечественному читателю. На русском языке уже опубликованы четыре книги этого неутомимого исследователя, одного из крупнейших знатоков Третьего рейха. Книги, срывающие покров тайны с глубоко спрятанных секретов, заставляющие по-новому взглянуть на, казалось бы, давно известные вещи. Наверное, именно поэтому они уже успели полюбить российского читателя.

А того, кто еще не держал в руках книги Кранца, поспешим ввести в курс дела. Автор – этнический немец, отец которого, будучи офицером СС, после войны вынужден был уехать в Аргентину, чтобы избежать судебного преследования. Лишь после смерти отца Ганс-Ульрих узнал, что тот был причастен к деятельности самой загадочной организации нацистской Германии – института «Аненэрбе» («Наследие предков»). И с этого момента добропорядочный буржуа превратился в неутомимого и талантливого исследователя – настоящего сталкера, охотника за сенсационными секретами.

Если прочесть книги Кранца, а затем посмотреть на его фотографию, возникает весьма странное ощущение. Перелистывая страницы «Наследия предков» или «Свастики во льдах», представляешь автора молодым подтянутым человеком с волевыми чертами лица и стальным взглядом – такой жесткой динамикой, такой захватывающей интригой наполнена каждая строчка этих книг. С фотографии же на нас смотрит обычный пятидесятилетний человек, загорелый блондин с глубокими залысинами, склонный к полноте, со спокойным, безмятежным лицом. Такое «раздвоение личности» далеко не случайно. Фон Кранцу долгие годы, пока он не решился выпустить в свет свою первую книгу (посвященную как раз «Наследию предков»), пришлось вести фактически двойную жизнь. И мало кто мог заподозрить, что под внешностью примерного буржуа, типичного менеджера средней руки или университетского профессора, скрывается человек, готовый разрушать стереотипы и вытаскивать на свет божий факты, которые ранее старательно замалчивались или скрывались.

Да-да, именно замалчивались или скрывались. «Зачем? – удивится читатель. – Ведь Гитлер давно покончил жизнь самоубийством, а Третий рейх рухнул, проклятый во всем цивилизованном мире! По крайней мере, так учат в школе, так говорят с экранов телевизоров». Что ж, каждый из нас волен сделать свой выбор самостоятельно: верить «голубому экрану» или искать истину. У читателя книг Кранца появляется возможность вместе с автором отдернуть полог лжи и полуправды и посмотреть в глаза подлинной истории гитлеровской империи – истории, которая не закончилась с капитуляцией Германии. Потому что рядом с Гитлером и за его спиной стояли весьма могущественные силы, которые действуют по сегодняшний день, стремясь скрыть сам факт своего существования.

С момента своего появления книги Кранца вызвали бурю критики, которая, впрочем, послужила только лишним подтверждением того, что автор попал в точку. Более того: на его

жизнь было совершено покушение. Тем не менее, даже угроза жизни не заставила Кранца свернуть с намеченного пути. Одна книга выходила за другой по мере того как отважному исследователю удавалось распутать все новые и новые клубки лжи, обнаруживая в них надежно спрятанную нить истины. На данный момент увидели свет около десятка книг Кранца, и мы надеемся, что это далеко не предел.

Книга, которую вы держите в руках, посвящена малоизвестной теме – деньгам Третьего рейха. Вернее, так: известной, но далеко не с той стороны, с какой ее раскрывает Кранц. Кто финансировал фюрера? Каким образом Германия, в начале 30-х годов находившаяся в пучине кризиса, несколько лет спустя сумела успешно противостоять всему миру? И самое главное: куда после войны делись несметные богатства Третьего рейха? Все эти темы либо старательно замалчиваются обычными историками, либо на вопросы дается весьма расплывчатый ответ. Кранцу же удалось проследить всю историю нацистских счетов – от начала и до конца...

Впрочем, не будем забегать вперед. Пересказывать содержание книг автора было бы неблагодарной работой. Поэтому оставляем вас наедине с очередным блестящим произведением Кранца, которое, без сомнения, заставит вас по-новому взглянуть на многие, казалось бы, давно известные факты.

К моим читателям

Честно говоря, этой темой я сначала заниматься не хотел. Не потому, что чего-то боялся, а просто потому, что она казалась мне довольно скучной и неинтересной. Ну какая, в конце концов, разница, откуда Гитлер получал свои деньги? Есть гораздо более интересные сюжеты – например, мистические тайны СС, немецкий «атомный проект» и «космическая программа». . . И все-таки в каждом из этих сюжетов мне попадались ниточки, которые вели в темноту и были связаны именно с деньгами. Наконец этих ниточек набралось столько, что я рискнул потянуть за них. Многие оказались оборванными, но другие привели меня к ответу на вопрос: а откуда, собственно говоря, взялся сам Гитлер? Как ему удалось прийти к власти? И ответ этот оказался по-настоящему шокирующим. . .

Публикуя эту книгу, я сильно рискую. Один раз меня чуть не отправили на тот свет – подозреваю, что именно за мои писания, потому что больше, вроде бы, не за что. Зачем тогда я пишу все это? Ради денег или популярности? Да нет! Денег у меня и так хватает – не Гейтс, конечно, но жаловаться грех. Я не стремлюсь сверкать в зените славы, становиться всеобщим любимцем или, наоборот, объектом всеобщей пламенной ненависти. Я просто хочу рассказать людям правду, которую сам предпочел бы не знать. Иногда я мечтаю о тихой спокойной обеспеченной старости в собственном домике на берегу моря. Но у каждого человека есть свое предназначение на этой голубой планете, и мое предназначение – совершенно иное.

Кто я такой и почему сую свою голову в петлю? Что ж, читатель имеет право знать это заранее, чтобы решить, стоит ли мне доверять. Я не принадлежу к славной когорте профессиональных историков; тем не менее, знаю побольше многих из них. Родился я в Аргентине в 1950 году. Мой отец эмигрировал (вернее сказать – бежал) сюда из Германии после поражения во Второй мировой войне. Дело в том, что он был офицером СС. Но не тем, которые стояли на сторожевых вышках многочисленных концлагерей. И не тем, которые сражались на фронте в составе элитных частей. Когда нацисты пришли к власти, мой отец был молодым, но подававшим большие надежды ученым, занимавшимся историей и традициями древних германцев. Достаточно быстро все эти исследования прибрало к рукам всемогущее ведомство СС Генриха Гиммлера. Перед моим отцом встал непростой выбор: либо стать эсэсовцем, либо отказаться от изучения любимой темы. Он выбрал первое. История показала, что это был неверный выбор, но можем ли мы сегодня обвинять его в этом?

О своем прошлом отец рассказывал мало и неохотно. С друзьями, бежавшими в Аргентину вместе с ним, общался, что называется, за закрытыми дверями. Иногда (но нечасто) у него бывали странные посетители, с которыми он запирался в своем рабочем кабинете. Об этой стороне его жизни мы, дети, не знали ровным счетом ничего – тем более что такие вещи случались очень редко.

Наверное, именно нежелание отца рассказывать о Третьем рейхе подстегнуло мой интерес к этой части германской истории. Начиная со студенческих лет я жадно читал книги, посвященные гитлеровской Германии и Второй мировой войне. Однако ни в одной из них я не смог прочесть того, что поведали мне документы, найденные после смерти отца в простеньком металлическом сейфе, хранившемся с незапамятных времен на чердаке нашего дома.

Эти бумаги, посвященные самым загадочным сторонам истории Третьего рейха, заставили меня взяться за исследования. В них я прочел о неизвестных мне ранее, шокирующих вещах: о таинственном проекте «Аненэрбе», о связях нацистского руководства с оккультными силами, о секретной антарктической базе, о прорывных научных исследованиях, результаты которых не были превзойдены даже 20 лет спустя после окончания войны.

Их держали в секрете и побежденные, и победители. Потому что эти тайны были способны полностью взорвать наши представления о нацистской империи. Ведь долгое время историки внушали нам образ нацистского режима как полного банкрота, терпевшего крах во всех своих начинаниях. Может быть, на каком-то этапе это было правильным, но нельзя же десятилетия подряд кормить людей одной и той же сказкой! Потому что в действительности этот чудовищный, демонический, преступный режим в некоторых областях достиг таких успехов, которые и не снились остальному человечеству. Об этом ясно говорили, буквально кричали документы, доставшиеся мне в наследство.

И я начал расследование, которое заняло у меня 12 лет. За это время я многократно рисковал своим добрым именем и даже жизнью, попадал в различные переделки, терял и снова находил концы тоненьких нитей, ведущих к скрытой во мраке истине. Но, оглядываясь назад, я не жалею о том, что выбрал этот путь. И от всего сердца надеюсь, что плоды моих усилий не пропадут бесследно.

Меня часто называли нацистом. Это глупо и смешно. Я ненавижу нацизм не меньше, чем многие записные антифашисты. Я считаю, что Третий рейх был самой ужасной, жестокой и бесчеловечной диктатурой в истории человечества. Именно поэтому нельзя фальсифицировать его историю, нельзя преуменьшать те успехи, которых добилась гитлеровская клика. Ведь только тогда, когда мы сможем прямо и честно посмотреть в глаза правде, нам удастся предотвратить появление на Земле чего-то столь же страшного и бесчеловечного, так как семена Четвертого рейха уже посеяны...

Глава 1. КТО ВЫ, ДРУЗЬЯ ГЕРМАНИИ?

Это произошло в один из тех солнечных дней, которыми так славится аргентинская весна. Я сидел на веранде старого дома моего отца и перебирал бумаги, доставшиеся мне в наследство. Ну, из того самого металлического сейфа. Честно говоря, я их видел и держал в руках уже много раз. Пожелтевшие страницы, давно выцветшие чернила, или закругленные буквы машинописного шрифта... Мне было просто приятно перебирать их, ведь это – жизнь моего отца, а значит, частичка моей жизни. Просто приятно. Иногда ведь можно расслабиться и позволить себе чуть-чуть отдохнуть, правда?

Не знаю, как вы ответите на этот вопрос, дорогой читатель, но я после того дня отвечаю на него строго отрицательно. Нет мне в этой жизни отдыха! Не бывать этому. Потому что именно в этот блаженный миг, когда я наслаждался покоем и тишиной и находился в полной гармонии с собой и с окружающим миром, мне на глаза попался документ, в очередной раз перевернувший все мои представления об этой жизни.

Пожелтевший листок бумаги выглядел просто и неброско. Наверное, именно поэтому он проходил через мои руки уже раз десять, а я так ничего и не заметил. Сверху – замысловатый вензель, ниже – крупная машинописная надпись:

Сертификат гранта на 50 тысяч марок. Выдается на исследование, представляющее большое научное значение для германской расы.

Ниже, выцветшими чернилами, было написано:

Генриху фон Кранцу. Исследование рунических символов Шварцвальда.

Еще ниже – пара подписей, дата – 31 мая 1937 года – и причудливые буквы, складывавшиеся в надпись «Фонд „Аненэрбе“». А еще ниже... еще ниже я не опускал глаза.

До этого самого дня.

А теперь мой взгляд соскользнул вниз... и я увидел то, чего раньше не замечал. В самом низу страницы мелкими буквами было написано «Фонд „Аненэрбе“». Чикаго, США».

Наверное, если бы мне сообщили, что я последние двадцать лет находился в наркотическом трансе, а на нашей планете уже давно правит раса разумных хомячков, я испытал бы меньший шок. Я просто отказывался верить своим глазам. Снова и снова перечитывал я название города и страны. Сомнений быть не могло – речь идет именно о том самом Чикаго в тех самых Соединенных Штатах. Черт, а разве были какие-то другие?

Впрочем, решение пришло достаточно быстро. Видимо, мой покойный отец с друзьями по молодости решили развлечься и вообразили, что весь мир уже захвачен Третьим рейхом и штаб-квартира «Аненэрбе» уже перенесена в Чикаго. Действительно, кто из нас не баловался подобными штуками?

Я, например, в детстве выписывал себе игрушечное удостоверение суперагента за подписью Президента Аргентины... Вот...

Только, помнится, вместо реальной подписи Президента Аргентины там стояла какая-то закорючка. А на документе, который лежал передо мной, была выведена самая настоящая подпись Рудольфа Гесса. Подделка? Надо проверить. Тем более что среди моих знакомых есть неплохие графологи.

А пока попытаемся выяснить, что за фонд «Аненэрбе» мог находиться в Соединенных Штатах в 1937 году. Все равно делать мне было нечего – очередное расследование только что завершилось, и я решил сделать небольшой перерыв. И заодно позаниматься делами своей фирмы, которые я, к стыду моему, давно и основательно забросил. В общем-то, фирма от этого не особенно страдала – бизнес, слава богу, катился по хорошо накатанным рельсам, а особого желания рвать себе нервы ради миллиардных счетов в швейцарских банках у меня не было – но для порядка дать пару руководящих указаний никогда не помешает...

Но добраться до офиса мне в очередной раз не удалось. Вместо этого я занялся старательным изучением материалов, которые были связаны с финансированием «Наследия предков». Честно говоря, никакого американского фонда с таким названием я не помнил. Откуда ему вообще было взяться? На этот счет у меня была не одна, а целых две версии.

Во-первых, не исключено, что фонд регистрировался в США исходя из каких-то финансовых соображений. Ну, нацисты ведь держали деньги в швейцарских банках! Может быть, деньги фонда инвестировались в американскую экономику и позволяли кому-то из нацистских бонз получать неплохие барыши? Это более чем вероятно, если вспомнить, что многие высокопоставленные нацисты – например Геринг – заботились о наполнении собственного кармана не меньше, чем о торжестве арийской расы. Фонд «Аненэрбе» мог служить эдакой подставной фирмой для реализации чьих-то «серых схем».

Возможен и второй вариант. Не секрет, что в Соединенных Штатах жило много немцев, которые помнили о своей прежней родине и горячо любили ее. Они вполне могли создать фонд, поддерживавший научные исследования, касавшиеся Германии. Вот так работы моего отца и удостоились американского гранта. Почему нет? Нацисты были очень заинтересованы в притоке валюты из-за рубежа, и не так уж важно, откуда эта валюта поступала.

Поиск принес вполне ожидаемые результаты: никаких сведений о фонде «Аненэрбе», расположенном в Чикаго, мне обнаружить не удалось. Да и обе мои версии при ближайшем рассмотрении рассыпались как карточный домик. Если Геринг или кто-то еще хотел получать прибыли, вкладывая деньги в Штаты, на кой ему «Аненэрбе»? С другой стороны, исследования, проводившиеся в рамках института, были окружены завесой секретности и добрые грантодатели из США вряд ли смогли бы озолотить моего отца, поскольку просто не знали бы, чем он занимается... К тому же, будь фонд «Аненэрбе» невинным заведением, откуда на документе взялась бы подпись Гесса? И почему я не могу найти о нем никакой информации?

В общем, я уже окончательно счел документ юношеской проделкой моего отца, но... тут, как в плохом детективе, пришли данные графологической экспертизы.

Подпись Гесса на документе была подлинной.

Дело «А-4051»

На следующий день я уже смотрел через иллюминатор самолета на проносящиеся мимо пушистые облака. Огромный лайнер нес меня и еще добрую сотню пассажиров из Буэнос-Айреса во Франкфурт-на-Майне. Мне предстояло в очередной раз порыться в немецких архивных документах. Потому что если подпись Гесса не была подделкой, то не был подделкой и сам документ. А значит, американский фонд «Аненэрбе» действительно существовал. Ведь трудно представить, что один из самых высокопоставленных нацистов будет участвовать в юношеских проказах молодого историка, которого он, скорее всего, даже не знал в лицо!

Честно говоря, я слабо представлял себе, какой именно архив мне нужен. Фондов СС в современной Германии почти не осталось – они все захвачены победителями. Центральный научный архив? Да, наверное, туда мне и дорога.

В Центральном научном архиве в Берлине я провел неделю. Каждый день я сидел там как проклятый, с утра и до закрытия, чтобы потом, в тишине какого-нибудь маленького кафе, за бокалом пива осмыслить все прочитанное. На первый взгляд, осмыслять было нечего. Я нашел кучу документов – в том числе касавшихся исторических изысканий «Наследия предков». Некоторые из них были весьма любопытными и могли бы лечь в основу новой книги. Но я не находил того главного, за чем приехал сюда. Ни одного упоминания о фонде «Аненэрбе».

Уже почти потеряв всякую надежду, я решил расспросить сотрудников архива. В конечном счете, никто не знает свои фонды лучше, чем они! В последнее время в немецких архивах происходит довольно печальная вещь – старых сотрудников в массовом порядке отправляют на пенсию, а вместо них берут молодых мальчиков и девочек, только что окончивших университет. Таким способом федеральное правительство, видите ли, борется с безработицей среди молодежи. Разумеется, власти совершенно не смущает факт, что такая девочка куда удачнее выступила бы в роли официантки в кафе или секретарши в офисе, чем архивного работника, которому нужны какие-никакие знания и опыт.

К счастью, до Центрального научного архива нововведения еще не докатились. На восьмой день моих бесплодных поисков на дежурство в читальном зале заступил сутулый старичок в больших круглых очках: настоящий книжный червь – в лучшем смысле этого слова. Более удачный объект для моих расспросов трудно было бы найти. Полистав очередное дело, я подошел к почтенному архивариусу и спросил его напрямую:

– Скажите, вы ничего не знаете о фонде «Аненэрбе»?

– «Аненэрбе»... «Наследие предков»... – медленно проговорил старичок после долгой паузы, подняв на меня круглые стекла. – Это же эсэсовский институт, да? Мне кажется, вы пришли немного не по адресу...

– Нет-нет, что вы! Это одноименный фонд, который существовал в 30-е годы и финансировал исследования, посвященные прошлому германцев. Он был американским.

– Гм... Ничего о таком не слышал. Может, вам стоит обратиться в архивы Соединенных Штатов, молодой человек?

Молодым человеком меня последний раз называли лет пять назад. Нет, мне, конечно, лестно, что меня кто-то считает молодым. Но я пришел сюда не для того чтобы выслушивать невольные комплименты. Что ж, придется применить запрещенный прием – задеть его самолюбие. К счастью, я прекрасно знал, как это сделать.

– Увы, – вздохнул я. – Я рассчитывал, что мне помогут в моей родной стране. Жаль, что это нереально. Но, может, вы просто не изучали соответствующие фонды?

Это был двойной удар, причем ниже пояса. В одной фразе я обвинил несчастного старичка в отсутствии патриотизма и в некомпетентности. И он взвился на дыбы, как хороший боевой конь.

– Молодой человек! – Глаза из-под очков сверкнули так, что я побоялся за целостность стекол, не говоря уж о своей скромной персоне, которая вполне могла превратиться в пепел. – Никто лучше меня не знает эти фонды. Я занимаюсь ими уже пятьдесят пять – пятьдесят пять! – лет. И я знаю, о чем говорю. В нашем архиве нет того, что вам нужно. Поищите у американцев. В конце концов, это они чистили наши коллекции...

– В каком смысле? – изумился я.

– В самом прямом. Вы не заметили, что номера дел идут не по порядку? Думаете, это случайность? Я тоже так считал, когда пришел сюда работать. Но случайностей в нашем деле не бывает. Старые сотрудники, – и архивариус энергично ткнул пальцем вверх, в сторону небес, где, очевидно, сейчас пребывали эти самые «старые сотрудники», – рассказывали мне, что после войны американцы очень много времени провели в нашем архиве. Здесь два года работала большая комиссия. Документы вывозились грузовиками. Грузовиками!

– А что это были за документы?

– Понятия не имею! Самые разные – видимо, касавшиеся наших новейших исследований.

Я поблагодарил старичка и вернулся на свое место. Насчет «на новейших исследований» – это он, конечно, хватил через край. Итоги новейших исследований не пылятся в архивах – они находятся в лабораториях, где эти исследования, собственно говоря, и проводятся. Разумеется, кое-что можно было найти и здесь, но грузовики бумаг...

Впрочем, найти ответ на интересующий меня вопрос не так и сложно. Как правило, дела с похожим содержанием хранятся вместе и номера им даются тоже близкие. Нужно посмотреть, какие номера в архиве пропущены, и по содержанию соседних дел можно будет предположить, что именно исчезло...

...На первую же пропажу я наткнулся через десять минут после начала поисков. Сразу за делом «А-4050» шло дело «А-4052». Оба они были посвящены финансированию немецкой науки в 30-е годы. Дело «А-4051» отсутствовало.

Что интересного для американцев, шерстивших архив, могло быть в этом деле? Ровным счетом ничего – оно представляло чисто исторический интерес. Забирать его имело смысл только в том случае, если янки хотели скрыть что-то неприятное для себя. Но что именно?

Я шагнул по вечернему Берлину, светившемуся огнями витрин. Меня обгоняли трамваи, спешили куда-то поздние прохожие. В американские архивы обращаться бесполезно, это было ясно даже младенцу. Раз они почистили немецкие фонды, то из своих весь компромат убрали и подавно. Нужно было найти какой-то архив, куда янки добраться не смогли. Такой мог быть только в одном городе мира. В Москве.

Путь на восток

Когда отгремела Вторая мировая война, русские хапнули из немецких архивов кучу документов. Их вывозили вагонами, железнодорожными составами. Основание – нацисты, напав на Советский Союз, уничтожили множество архивов, и Москва, победив, потребовала компенсацию. Отказать ей никто не мог.

Долгое время эти документы хранились за семью замками. Но лет пятнадцать назад русские по непонятной мне причине своими руками развалили собственную страну, почему-то обозвав все это свободой и демократией, и начали старательно копировать Запад. Ни к чему хорошему это не привело, но для меня во всем этом один плюс все-таки был: архивы открылись. Именно поэтому после Берлина я направился в Москву.

На Западе многие боятся посещать Россию, но я уже давно не боюсь ничего. Уверяю вас: медведи там по улицам не ходят и даже пьяные бородатые мужики в ушанках и с гармошками попадают не так часто. А жаль. Но я, разумеется, приехал не затем, чтобы запивать икру водкой (или наоборот – по вкусу). Прямо из аэропорта я направился в архив.

И был жестоко разочарован. Конечно, я не рассчитывал, что мне сразу дадут допуск, поэтому запасся кучей рекомендательных писем от аргентинских университетов (я уже говорил, что у меня много хороших знакомых?). Но три недели ожидания... Впервые мне пришлось столкнуться со знаменитой русской «волоkitой» – крайне медленной работой местных бюрократов. Я, конечно же, потратил это время с умом – посмотрел все московские достопримечательности, прокатился в Петербург, посетил старые русские города... Но черт возьми, я не турист! Я – бизнесмен и не привык разбрасываться временем. Правда, в конечном итоге у русских были свои основания не доверять мне. Но об этом я узнал много позже...

А тогда, когда три недели спустя мне все-таки дали заветную читательскую карточку, я был вне себя от счастья. Однако счастье мое несколько поуменилось, когда я узнал, что за короткие шестьдесят лет, прошедшие со времен Второй мировой, русские так и не удосужились привести в порядок доставшиеся им документы. Впрочем, все было в целости и сохранности – а это уже неплохо...

Интересные находки появились уже в первые дни. Сначала я обнаружил пару грантовых сертификатов вроде того, который хранился в сейфе моего отца. Оба они были выданы ученым, исследовавшим древних арийцев. Под документами стояли две подписи – Гесса и немецкого представителя фонда «Аненэрбе» – Джеймса Болла. Этот последний явно был американцем – значит, версия об «оффшорном» фонде отпадала окончательно. Кстати, на документе, принадлежавшем моему отцу, расшифровка подписи была полустертой – я так и не смог ее прочесть. Но в том, что подпись была та же самая, сомнений не было.

Но самая любопытная и шокирующая находка ждала меня на десятый день работы в архиве. Я копался в огромном пухлом деле, посвященном государственной поддержке научных исследований. Пролистав примерно половину, я с волнением обнаружил, что внутри находится еще одно, видимо, случайно подшитое дело. Дело, содержание которого било в самую точку. Это была коллекция договоров о финансировании института «Наследие предков».

Пять минут спустя я уже мчался на участок фотокопирования. Потому что документ, найденный мною, нельзя было просто переписать от руки. Я нашел самое убедительное доказательство того, что фонд «Аненэрбе» действительно существовал. Собственно говоря, в моих руках был документ о его создании.

И сейчас, когда я пишу эту книгу, передо мной лежит копия «Договора о финансировании научных исследований», заключенного институтом «Аненэрбе», с одной стороны, и

обществом «Друзья Германии» – с другой. Текст этого документа, подписанного в 1936 году, заслуживает того, чтобы опубликовать его полностью:

Общество «Друзья Германии» признает, что ключевые научные исследования осуществляются сегодня в стенах специального научно-исследовательского института «Наследие предков». Успешное развитие этих исследований жизненно необходимо германской науке. В связи с этим общество «Друзья Германии» берет на себя финансирование наиболее важных исследований, осуществляемых в рамках института.

Для реализации настоящего договора создается фонд «Наследие предков». Капитал фонда формируется субсидиями общества «Друзья Германии». Фонд «Наследие предков» находится в США и назначает своего представителя в Германии, в задачи которого входит выбор исследований, заслуживающих финансирования. Каждая субсидия согласуется с немецкой стороной.

Общая сумма субсидий, выдаваемых фондом «Наследие предков» ежегодно, не может составлять менее 1 млн американских долларов в золотом эквиваленте.

Миллион долларов в золотом эквиваленте! Когда я прочел это, то чуть не поперхнулся. Это сегодня миллион долларов – сумма хоть и большая, но совсем не запредельная даже для простого смертного. А в 30-е годы ее обладатель считался супербогатым человеком. Почему же американский фонд решил вкладывать такие деньги в немецкую науку? И самое интересное – откуда он их брал?

Под документом стояли две подписи. В одной из них я без особого труда узнал подпись рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера – я видел ее сотни раз и не перепутал бы ни с какой другой. Другая – очевидно, принадлежавшая представителю общества «Друзья Германии» – была мне незнакома. Расшифровки подписей не было – ни одной, ни другой.

Итак, одна загадка была разгадана... чтобы тут же породить другую. Что это за общество «Друзья Германии»? Никогда не слышал о таком. Впрочем, если они финансировали нацистов, это и неудивительно. Думаю, после войны они предпочитали не распространяться о своей недавней деятельности.

Я провел в архиве еще одну неделю, но больше ничего заслуживающего внимания не нашел. Да и не особо-то рассчитывал – очевидно, что «Друзья Германии» были чисто американской структурой, и в нацистских фондах много материала на них не нароешь. И все же эта неделя была проведена не зря...

В последний день моей работы, когда я сдавал читательскую карточку, архивисты – три дамы бальзаковского возраста – тщательно проверили все дела, к которым я прикасался (и по-моему, даже те, на которые имел несчастье дыхнуть). Причины такого старания я понял, когда по окончании проверки одна из работниц архива – судя по всему, старшая по должности – повернулась ко мне и с видимым облегчением сказала на довольно дурном английском:

– Слава богу, господин Кранц, все в порядке.

– А что могло быть не в порядке? – не удержался я от вопроса.

– Полгода назад была очень и очень неприятная история. – Было видно, что дама с трудом подбирает иностранные слова. – У нас работал один американский ученый, Дональд Глейн. После его отъезда мы обнаружили, что пропали многие документы, с которыми он работал.

– Проще говоря, он вас обокрал?

– Да-да, обокрал...

Пока дама слагала очередные тяжеловесные конструкции, безбожно коверкая язык проклятых гринго (так им и надо, впрочем), я лихорадочно вспоминал, откуда я знаю эту фамилию. Она попадалась мне совсем недавно... Только вот где?

– А чем он занимался? – спросил я больше для того, чтобы поддержать разговор.

– Да примерно тем же, чем и вы: нацистской наукой и нацистскими деньгами.

И вот теперь я вспомнил. В каждом архивном деле есть карточка, где отмечаются все, кто это дело просматривал. Расписываясь на таких карточках, я на многих делах видел фамилию Глейна. Странно, что я тогда не обратил на нее внимания... А вот на деле, в котором я нашел заветный документ, роспись Глейна отсутствовала. Он по каким-то причинам не добрался до него. Видимо, только это и спасло ценнейшую бумагу.

– А откуда он был, этот Глейн? – как бы невзначай поинтересовался я.

– Кажется, из Университета Вирджинии. Мы направили им письмо протеста...

Вежливо распрощавшись с работницами архива, я зашагал к уже ожидавшему меня такси. Теперь в моих руках были две ниточки. Во-первых, мне нужно было найти данные об обществе «Друзья Германии». Во-вторых, следовало отыскать следы Дональда Глейна. Я не рассчитывал, как говорят русские, убить двух зайцев одной пулей, но по крайней мере одной цели добиться следовало.

«Друзья Германии» – кто они?

Вернувшись на родину, я первым делом решил разобраться с «Друзьями Германии». Это была явно какая-то довольно мощная организация, раз она могла выложить миллион долларов в год на проекты не первостепенной важности. Здесь явно был замешан большой бизнес.

За неделю копаний в Интернете я не нашел ответа на свой вопрос, зато обнаружил массу интересных материалов. Считается, что в Соединенных Штатах была куча противников нацизма, которые всячески убеждали Рузвельта не помогать Германии – и в конечном счете убедили. На самом деле это только одна сторона медали. Антифашистское – в первую очередь германское – лобби в Штатах действительно было достаточно мощным. Но не менее серьезными были и прогерманские, антисемитские настроения. Приведу хотя бы несколько примеров.

Имя Генри Форда известно всем. Этот мультимиллионер стал основателем первого поточного производства простых и дешевых автомобилей. По большому счету, Форд считается изобретателем конвейера. Гораздо меньше известно о том, что Форд являлся одним из самых отъявленных антисемитов за всю долгую историю человечества. Евреев он ненавидел как смертный грех, финансировал пронацистские организации и писал под псевдонимом и открыто разные произведения, направленные против «избранного народа». В частности, он написал брошюру «Международное еврейство», в котором пропагандировал идею всемирного еврейского заговора и винил евреев в бедах всего мира, в первую очередь России и Германии. В частности, по поводу последней Форд писал:

Прогрессивное человечество открыто говорит о болезнях, которые прежде считали нужным скрывать и замалчивать из чувства стыдливости. Политическое врачевание до этого еще не дошло. Однако болезнь немецкой государственности уже начинают приписывать еврейскому влиянию и в нем видеть главную ее причину.

Если светлые головы ясно видели это десятки лет тому назад, то теперь это должно сделаться ясным даже и самым простым людям. Вся политическая жизнь потрясена этим, и факта этого нельзя уже больше скрывать. Все классы немецкого народа держатся того мнения, что наступившее после перемирия и революции крушение, от которого страна все еще не может оправиться, есть дело рук еврейской хитрости и еврейского замысла. Это мнение высказывают с уверенностью и приводят кучу доказательств; думают, что история ясно докажет это впоследствии. На еврея в Германии всегда смотрели только как на гостя, но против этого сам он согрешил тем, что захотел сделаться хозяином. Нет большей противоположности на свете, чем чисто германская и чисто семитическая раса, поэтому между ними не может быть единодушия. Немец всегда видел в еврее пришельца. Еврей негодовал на то, что ему не предоставлены все права коренных граждан, и был враждебно настроен против гостеприимно принявшего его народа. В других странах евреям было легче смешиваться с основным населением и невозбранно увеличивать свою силу: в Германии было не то.

По этой причине еврей ненавидит немецкий народ, и по той же причине страны, где евреи имеют сильное влияние, высказывали наибольшую ненависть к немецкому народу во время злополучной мировой войны. Евреи в этих странах держали исключительно в своих руках прессу, посредством

которой обрабатывали «общественное мнение» против немецкого народа. Единственно, кто выиграл от войны, – это были евреи.

Еврейское влияние особенно сильно обнаружилось во время войны. Оно разразилось подобно взрыву ручной гранаты, брошенной опытной рукой, словно все было подготовлено заранее. Немецкие евреи во время войны не были немецкими патриотами. Хотя, с точки зрения враждебных немцам наций, это обстоятельство не может служить упреком, все же по нему можно судить о том, чего стоит еврейская верность народу, среди которого они живут. По данным, которые подлежат, однако, тщательной проверке, серьезные немецкие мыслители считают, что еврей вообще не может быть патриотом.

Во всех областях, в которых была возможность спекуляции за счет народных потребностей или получения побочной выгоды – в банках, военных и благотворительных учреждениях, в министерствах, от которых зависели подряды и поставки, – везде выплывали наружу евреи. Необходимые для жизни предметы, бывшие в изобилии, внезапно исчезали и вновь появлялись, но уже значительно вздорожавшими. Общества, работавшие на войну, превратились в чисто еврейские вотчины. Те, у кого были деньги, могли все иметь без карточек, вопреки неусыпным стремлениям правительства распределять продовольствие равномерно между всем населением. Евреи взвинчивали цены на товары, которые они получали окольными путями, второе, и потоки золота лились в их денежные хранилища. Благодаря скрытым запасам, из которых снабжали себя такого рода спекулянты, все официальные данные, касавшиеся продовольствия, оказывались неверными. Достаточно проехать по Германии вдоль и поперек, послушать разговоры, прислушаться к народным настроениям, чтобы убедиться, что память об этих еврейских злоупотреблениях властью запечатлелась в народном сознании, словно выжженная раскаленным железом.

Богатый немецкий еврей при помощи своего денежного могущества над всеми отраслями хозяйственной жизни, которые непосредственно затрагивали интересы правящего класса в Германии, мог купить то положение, которое он стремился занять в обществе. Но даже еврей неимущий ухитрялся получить статус, которого он домогался. Ибо все евреи воодушевлены одинаковым стремлением; оно у них в крови. Жажда власти неудержимо владеет ими.

Еврейство является силой наиболее крепко организованной, крепче, чем Британская мировая держава. Оно является государством, граждане которого, где бы они ни жили, богатые и бедные, бесповоротно ему преданы. Государство это в Германии носит название «Всееврейство». Орудием этого государства является капитализм и пресса, или, другими словами, деньги и пропаганда. Среди государств одно «Всееврейство» стремится к мировому господству, тогда как остальные добиваются лишь местного, национального могущества.

Доминирующей деятельностью «Всееврейства» является журналистика. Творчество современного еврейства в области техники, науки и литературы носит на себе отпечаток той же журналистики. Творчество – это есть изумительный продукт еврейской способности впитывать в себя

чужие идеи. Капитал и журналистика сливаются в прессе, которая таким путем становится орудием еврейского господства.

Организация управления этим всееврейским государством достойна удивления. Первым местом пребывания этого управления был Париж; ныне центр управления перенесен в другое место. Перед войной столицей его был Лондон, второй столицей – Нью-Йорк. Можно думать, что ныне Нью-Йорк встанет над Лондоном, – течение идет в Америку.

«Всееврейство» охотно предоставляет управление отдельными странами мира местным правительствам; само оно требует себе лишь контроля над ними. Сами евреи никогда не сольются с другой нацией. Это народ – замкнутый в себе, он всегда таковым был и всегда таковым останется. Только тогда «Всееврейство» вступает в борьбу с другим народом, когда последний создает условия, делающие невозможным для евреев подчинить своему влиянию продукты работы и финансы данной страны. Оно в состоянии вызвать войну и даровать мир. В случае упорства оно вызывает анархию, но в его же силах восстановить порядок. Оно управляет нервами и мускулами человечества в сторону, наиболее благоприятную осуществлению всееврейских целей.

Мировая осведомительная служба подчинена «Всееврейству». Поэтому оно в состоянии в любой момент подготовить мнение людей к восприятию того, что им задумано в ближайшую очередь. Величайшая опасность лежит в способах осведомления и в том, как обрабатывается общественное мнение целых народов с известной целью. Но если удастся напасть на след могущественного еврейства и изобличить его игру, то тотчас же поднимается вопль о «травле» и прокатывается по всей мировой прессе. Однако истинная причина всех преследований евреев, то есть угнетение народов при посредстве еврейских денежных махинаций, никогда не становится предметом гласного обсуждения.

Вице-правительство «Всееврейства» находится в Лондоне и Нью-Йорке. Отомстив Германии, оно готовится поработить и другие нации. Британию оно уже поработило. В России из-за этого идет борьба с народом, по-видимому, все еще не законченная. Соединенные Штаты, при их добродушной терпимости по отношению ко всем расам, являются в этом отношении многообещающим полем. Сцена действия меняется, но еврей в течение столетий остается верен себе.

Если подпихнуть этот текст человеку несведущему и попросить угадать автора, то, скорее всего, в ответ услышишь имя Адольфа Гитлера. В чем-то это будет недалеко от истины: Гитлер являлся большим поклонником Форда и держал у себя на столе его брошюру. Правда, потом Форд изобразил публичное покаяние за свой антисемитизм, но на самом деле его взгляды не изменились ни на йоту.

Не меньшим антисемитом был национальный герой Соединенных Штатов летчик Чарльз Линдберг. Он прославился тем, что первым в мире на самолете пересек Атлантический океан. На это требовалось немалое мужество – самолеты тех лет представляли собой хлипкие фанерные конструкции, и многочасовой полет над бушующими волнами был испытанием не для слабонервных. Неудивительно, что после своего перелета Линдберг в одночасье стал популярен: толпы публики устраивали ему овации, все мальчишки хотели быть похожими на него и т. д. Это, естественно, только помогало летчику пропагандировать свои ультраправые взгляды, которые мало чем отличались от взглядов Гитлера. Линдберг считал,

что евреи – это несчастье, паразиты на теле общества, что всех их надо в лучшем случае куда-нибудь выселить, а в худшем...

Форд и Линдберг были не единственными, кто придерживался таких взглядов. В американской элите антисемитизм был распространен весьма широко. К тому же, в начале 30-х годов, когда Штаты накрыла волна экономического кризиса (по некоторым подсчетам, тогда в Америке погибло около 5 млн человек – правда, американские власти это весьма тщательно скрывают), многие затосковали по «сильной руке». Представители бизнеса мечтали о таком режиме, который будет гарантировать им прибыли и одновременно уймет недовольных работников. В общем, причин для симпатии нацизму было хоть отбавляй.

Еще одной точкой соприкосновения был расизм. В 30-е годы в США активно действовал Куклукс-клан, а большинство белых американцев открыто считали негров гражданами второго сорта. Особенно в южных штатах державы, считающей себя «колыбелью и оплотом мировой демократии». К неграм здесь относились немногим лучше, чем к животным. Большинство белых американцев сочли бы ниже своего достоинства сесть на одну скамейку с негром. Поэтому учение нацистов о превосходстве белой расы было им весьма и весьма близко.

Нельзя сбрасывать со счетов и многочисленную немецкую общину, которая была никак не меньше еврейской и с которой политикам волей-неволей приходилось считаться. Еще в XIX веке в США в поисках лучшей доли эмигрировали несколько миллионов немцев. Благодаря своему природному трудолюбию они быстро обустроились на новом месте и добились немалых успехов. Многие немцы жили замкнутыми общинами и культивировали все немецкое. Большой их части нацизм пришелся весьма по нраву.

В общем, строительного материала для «Друзей Германии» в Штатах было хоть отбавляй. Тем более странно, что я не сумел найти ровным счетом никаких упоминаний о подобной организации. Со здавалось впечатление, что «Друзей Германии», как и фонда «Ане-нэрбе», просто не существовало!

Но я-то знал, что это не так. И еще я знал: если кто-то что-то скрывает, значит, это «что-то» должно быть очень интересным и необычным. Поэтому я решил задействовать свои каналы информации, о которых, уж простите, предпочитаю не распространяться, – иначе рискую подставить людей, совершенно бескорыстно передающих мне важные сведения. А этого, как вы понимаете, очень бы не хотелось ни мне, ни им.

Ну а пока информация не пришла, я решил отыскать Дональда Глейна, сотрудника Университета Вирджинии.

Куда исчез Дональд Глейн?

Удалось мне это далеко не сразу: телефон, который мне посчастливилось добыть на университетском сайте, не отвечал. Равным образом я не получил ответа на электронное письмо, в котором написал, что изучаю европейскую историю первой половины XX века (Глейн, если верить сайту, был специалистом именно в этой области) и хотел бы проконсультироваться с профессором по ряду интересующих меня вопросов. В общем, я понял, что придется ехать самому. Честно говоря, я уже устал от разъездов – а может, просто к старости становлюсь домоседом. Но надо – значит надо, и вот я снова пристегиваюсь ремнями и испытываю легкое головокружение, когда лайнер на Нью-Йорк отрывается от взлетной полосы и набирает высоту...

Я не люблю Соединенные Штаты. Не люблю по многим причинам. В общем-то, у нас в Латинской Америке их вообще мало кто любит. А я – несмотря на свое европейское происхождение и внешность – все-таки наполовину аргентинец.

В аэропорту я арендовал машину – неброскую, но надежную «камри» – и, продравшись сквозь нью-йоркские пробки, через несколько часов оказался около Университета Вирджинии. О своем визите я, естественно, никого заранее не предупреждал: было очевидно, что господин Глейн не жаждет меня видеть. Быть непрошеным гостем – не в моих правилах, но на сей раз принципами можно и поступиться. Чувствуя себя лошадыо Калигулы, вступающей в римский сенат, я вошел в ворота университетского кампуса.

Университет Вирджинии раскинулся на довольно большой территории. К счастью, я еще в Аргентине изучил подробный план корпусов и прекрасно знал, куда мне нужно идти. На самом деле это куда больший бонус, чем могло бы показаться на первый взгляд: чем увереннее ты себя ведешь, тем меньше вызываешь ненужных вопросов. Особенно хорошо это работает, когда ты находишься в том месте, где тебе, строго говоря, не следует находиться...

В корпус, где работал Глейн, я вошел походкой победителя, широко улыбнувшись, проследовал мимо привратницы и поднялся по лестнице на третий этаж. Дверь кабинета была закрыта. Впрочем, это не должно было меня обескуражить. Мимо по коридору как раз проходила весьма ученая, надо полагать, дама средних лет, судя по ее внешнему виду – старая дева в третьем поколении. Еще раз лучезарно улыбнувшись (в Америке нужно постоянно улыбаться – только так ты не выделяешься из толпы гринго), я вежливо спросил ее:

– Простите, вы, случайно, не знаете, где я могу найти уважаемого профессора Глейна? Дверь его кабинета, увы, закрыта.

– А зачем вам профессор? – Строго сверкнула на меня глазами из-под очков моя собеседница. В общем, этого и следовало ожидать. Теперь я буду подвергнут строгому перекрестному допросу. Но на такой случай у меня была заготовлена неплохая версия.

– Я его коллега из университета Буэнос-Айреса, – снова улыбнувшись, ответил я. – Мне нужно проконсультироваться с ним как с прекрасным специалистом в своей области. Мы договаривались, что, когда я буду в США, смогу посетить его. И вот, воспользовавшись случаем...

– Давно ли вы договаривались с ним? – Старая гримза продолжала свои расспросы, но, похоже, немного смягчилась. Еще бы – мой внешний вид вполне соответствует представлениям большинства людей о добропорядочном университетском профессоре...

– О, довольно давно! – Я изобразил кипучую деятельность по перетряхиванию своей памяти. – Полагаю, это было несколько месяцев назад...

– Тогда я должна сообщить вам печальную новость, – дама смотрела на меня почти доверительно, – к несчастью, примерно полгода назад профессор Глейн пропал без вести...

– Как?! – мое изумление было совершенно искренним.

– Увы, такова трагическая история. Он поехал по каким-то делам в Россию и не вернулся оттуда. Госдепартамент нам сообщил, что русские ведут активные поиски, но... пока безуспешно. Это большое горе для всех нас – профессор Глейн был прекрасным специалистом. Мы даже не снимаем табличку с его двери – все в глубине души надеются, что он вернется. Но надежды, как нам сказали, почти нет...

При этих словах моя собеседница изобразила столь глубокое горе, что я бы ей непременно посочувствовал, если... Если бы мой мозг не был занят напряженной работой. Я лихорадочно соображал, что могло произойти с Глейном. Неужели он украл их архива настолько ценные документы, что русские спецслужбы перехватили и убили его? Но документы такой степени секретности ему вряд ли предоставили бы изначально. Похищать же человека из-за нескольких старых бумажек – на это способны разве что фанатичные архивисты. Кто же тогда? Сами американцы? Еще одна загадка, которую мне предстояло разгадать.

Вот так, без видимых успехов, я и вернулся в Буэнос-Айрес... и не напрасно. Дома меня ждали данные, касавшиеся организации «Друзья Германии».

Под крылом Чикагского клуба

Итак, если верить документу, который я получил по своим каналам (их, как мы уже договорились, я раскрывать не буду), организация «Друзья Германии» (FG) была образована в 1923 году в качестве филиала Чикагского клуба. Как, вы ничего не слышали о таком? Немудрено. Мне самому случалось лишь пару раз находить отрывочные упоминания об этой мощнейшей структуре. Между тем, Чикагский клуб в жизни США первой половины XX века играл роль не меньшую, чем президент и конгресс, вместе взятые.

Чикагский клуб представлял собой объединение самых богатых людей Америки, воротил большого бизнеса – промышленников, коммерсантов и банкиров. Среди его основателей были такие мультимиллионеры, как Форд, Морган, Рокфеллер, Вандербильд... Эти люди несколько раз в год тайно собирались в Чикаго в специально приобретенном особняке и обсуждали важнейшие вопросы, касавшиеся жизни страны. Какого кандидата в президенты поддержать деньгами на ближайших выборах? Какую партию финансировать? Кто из политиков сможет наилучшим образом обеспечить интересы воротил большого бизнеса? Все эти вопросы решались именно здесь, в недрах Чикагского клуба. Большой бизнес умело лоббировал свои интересы, проводя в жизнь нужные ему законы. В руках «денежных мешков» была масса нитей, дергая за которые они могли управлять политиками, как марионетками в кукольном театре. Как внутренняя, так и внешняя политика США тех лет определялась именно Чикагским клубом.

Не верите? Простейший пример. В 1934 году президент Рузвельт решил обязать бизнесменов открыть новые общественно полезные предприятия, на которых можно было бы занять массу безработных. Одно заседание Чикагского клуба – и Рузвельт в корне меняет свое решение: теперь общественные работы организуются за государственный счет. Бюджет, естественно, пуст, много денег дать не может, и общественные работы Рузвельта напоминают скорее каторгу прошлых веков – безработные трудятся здесь в тяжелейших условиях за гроши. Зато большой бизнес доволен: раскошелиться не пришлось. Более того, кое-где удалось даже урвать выгоду, обратив труд миллионов рабов себе на пользу.

Итак, именно этот Чикагский клуб в 1923 году организует не менее секретное общество «Друзья Германии». Зачем? Мои источники полагали, что цель довольно проста и прозрачна. Дело в том, что в годы Первой мировой войны Англия и Франция, воевавшие против Германии, назанимали у США кучу денег. После войны долги надо было как-то отдавать. Победители рассчитывали сделать это за счет Германии, на которую наложили огромные репарации. Настолько большие, что немцы оказались просто не в состоянии их платить. Американский бизнес в ту пору был весьма заинтересован в скупке немецких предприятий, которые продавались по дешевке. Но чтобы успешно вести дела в Германии, там нужна была какая-никакая стабильность. А в условиях, когда англичане и французы с переменным успехом пытались драть с немцев семь шкур плюс все мясо с костей, ни о какой стабильности не могло быть и речи.

Поэтому американцы в начале 20-х годов попросили европейцев не очень-то нажимать на Германию и не требовать с нее слишком много денег. Европейцы согласились – но при условии, что Штаты тоже не станут настаивать на пунктуальном возврате долгов. А это уже не устраивало жадных янки. Ситуация зашла в тупик...

Вот для того чтобы ее из этого тупика вывести, и было создано общество «Друзья Германии». Возглавил общество не кто иной, как Генри Форд. В недрах FG был разработан гениальный план «круговорота денег»: американцы дают кредиты немцам, фактически ставя их в полную зависимость от себя, немцы этими деньгами платят англичанам и французам, а те, в свою очередь, отдают долги США... Все счастливы, все довольны, а американцы

остаются еще и в большом выигрыше. Авторство этого плана, чтобы особенно не светиться, приписали американскому банкиру Дауэсу. В 1924 году на международной конференции, созванной специально по этому поводу, «план Дауэса» был принят с большой помпой.

И понеслось! Американцы (а именно – общество «Друзья Германии») стали вкладывать в немецкую экономику большие деньги. И естественно, извлекать весьма весомую прибыль. Корпорации «Дженерал Моторс» и «Форд» практически поставили под контроль автомобильную промышленность страны, янки усилили свои позиции в электротехнике и в химии. Германия стала для США своеобразным опорным пунктом экономического проникновения на Европейский континент. Отсюда американские деньги растекались по Восточной Европе. В 1929 году – опять же по настоянию американцев из FG – принимается «план Юнга», который еще более облегчил экономическое положение немцев.

А потом грянул знаменитый мировой кризис, Великая депрессия. У американцев появилась куча собственных проблем, им стало не до Европы – удержаться бы на плаву у себя дома! Спад производства, повальная безработица, обнищание миллионов людей – тут уж не до жиру, быть бы живу. Да и в самой Европе происходило то же самое. Так что деятельность общества «Друзья Германии» была приостановлена, а с приходом к власти в Германии нацистов и вовсе сошла на нет.

...Прочитав до конца бумаги, которые оказались в моих руках, я почувствовал себя археологом, который раскапывает египетскую гробницу. Как известно, фараоны старались всеми возможными способами защитить свои сокровища. Они тщательно маскировали гробницу снаружи, а внутри строили целую систему ложных комнат и коридоров, ведущих в никуда. Только прорвавшись сквозь этот лабиринт, можно было попасть в настоящую гробницу.

Мне удалось сорвать наружную маскировку, и теперь я блуждал в лабиринте ложных коридоров. Я был уверен, что в документе изложена далеко не вся правда об обществе «Друзья Германии», что под этими – внешне невинными – сведениями скрывается еще один слой информации. Потому что мне было достоверно известно, что FG не прекратило своего существования после прихода нацистов к власти, что оно продолжало успешно функционировать и в дальнейшем, поддерживая Третий рейх. Но зачем? С какой целью? Просто ради экономической выгоды – или общество преследовало какие-то другие, далеко идущие, цели?

До разгадки этой тайны мне и предстояло докопаться...

Глава 2. ОТКУДА ВЗЯЛСЯ ГИТЛЕР?

Загадочная подпись

Казалось, мое расследование замерло, как двигатель, не получивший новой порции бензина. Но к счастью, ненадолго. Потому что я по своим каналам решил распутать сразу две ниточки, концы которых находились в моих руках. И надо сказать, довольно успешно.

Во-первых, я решил выяснить, что же все-таки случилось с многострадальным Дональдом Глейном. Для этого существовал довольно простой способ: для начала нужно было выяснить, возвращался ли он в Соединенные Штаты. Ответ на этот вопрос могли дать как авиакомпании (услугами которых он, безусловно, пользовался), так и система пограничного контроля, через который он проходил. Задействовав свои связи, я в итоге выяснил то, о чем подозревал уже давно: полгода назад Дональд Глейн совершенно спокойно вернулся из России в Штаты. Значит, исчез он уже на американской земле.

Я еще раз прокрутил в голове свой диалог с дамой из Университета Вирджинии. Источником информации о том, что Глейн пропал без вести в России, был Госдепартамент США. Уж кто-кто, а внешнеполитическое ведомство в любом случае было бы в курсе того, что профессор благополучно вернулся из России. Значит, чиновники лгали. Но зачем? Что они старались скрыть?

Постепенно отрывочные предположения складывались в моей голове в четкую и ясную картину произошедшего. Глейн прибыл в США, но до своего университета так и не добрался. Это вполне объяснимо. Что бы вы сделали, если бы прилетели из-за границы с ворованными документами, которые вам поручил украсть кто-то третий? Естественно, первым делом постарались бы спихнуть документы заказчику. Здесь в роли заказчика выступали, похоже, власти США или – что еще хуже – лица, способные этими властями манипулировать. Каким образом они заставили мирного профессора совершить преступление – потому что кража архивных документов во всем мире квалифицируется как уголовное преступление, – мне неизвестно. Но очевидно, что Глейн пропал именно тогда, когда выполнил свою миссию. «Мавр сделал свое дело – мавр может уходить». В небытие – так меньше шансов, что профессор проболтается о содержании похищенных документов. А вину за его исчезновение можно свалить на русских. Блестящая схема, не правда ли?

Где теперь профессор Глейн, мне неизвестно. Скорее всего, он уже давно находится на том свете – к чему оставлять в живых опасных свидетелей? Мне было гораздо интереснее, что за важные бумаги он привез из русских архивов. При мысли о том, что я опоздал всего на полгода, мне хотелось кусать локти. В любом случае я решил пока не ставить точку во всей этой истории, хотя ждать от нее, казалось, было уже нечего.

Тем временем появилась другая хорошая новость. Подпись, которая стояла под соглашением «Друзей Германии» и «Аненэрбе», удалось идентифицировать. Современные

информационные технологии – все-таки очень хорошая штука. Специальная компьютерная программа сравнивает нужную подпись с теми, которые заложены в ее памяти. Конечно, вопрос в том, где найти нужный банк данных, но документов тех лет у меня было, слава богу, хоть отбавляй, к тому же немало интересного можно найти на просторах Интернета.

И умный компьютер выдал результат, который поразил меня до глубины души. Подпись принадлежала не какому-нибудь американскому финансисту, как я думал сначала, и даже не дипломату. Ее на совершенно секретном документе поставил Эрнст Ханфштенгль – одна из самых причудливых и малоизвестных фигур нацистского движения.

Что же, получается, нацисты договаривались сами с собой? При чем тут тогда «Друзья Германии»? Я решил не спешить с выводами...

Путци

Официальную (если можно так сказать) биографию Эрнста Ханфштенгля мне удалось раздобыть довольно быстро. Она была весьма лаконична и, естественно, не давала ответа ни на один из интересующих меня вопросов:

Ханфштенгль (Hanfstaengl) Эрнст Франц Зедгвик (Путци) (1887–1975), неофициальный придворный шут Гитлера в первые дни нацистского движения. Родился в Мюнхене в смешанной американо-немецкой семье. Его отец был широко известным торговцем произведениями искусства. Эрнст учился в Баварской гимназии императора Вильгельма, где его классным наставником был отец Генриха Гиммлера. Поскольку ему прочили взять в свои руки ответвление семейного бизнеса на 5-й авеню в Нью-Йорке, Эрнст был отправлен в 1905 году в Гарвардский университет, который закончил в 1909-м. Все четыре года Первой мировой войны он провел в США и был разочарован в своей неспособности служить стране своих предков во время кризиса. После войны он вернулся в Мюнхен.

Ханфштенгль покидал Германию на вершине ее имперской славы, а возвратившись, нашел страну поверженной и в состоянии полного краха. Оказавшись в окружении Гитлера, этот почти двухметровый гигант с громадной головой, выпяченной челюстью и густыми волосами смирился с полученным прозвищем Путци. Он был одаренным пианистом и виртуозно исполнял, несмотря на свои огромные руки, произведения Листа и Вагнера. В политическом хаосе Мюнхена начала 20-х годов Ханфштенгль непонятным образом проникся симпатией к Гитлеру, тогда еще никому не известному начинающему политику. Единственный творчески одаренный человек в окружении Гитлера, Ханфштенгль ввел невежественного австрийца в мюнхенские художественные и культурные круги. После подавления «пивного путча» 1923 года Гитлер нашел временное убежище на вилле Ханфштенгля в Баварских Альпах. Ханфштенгль навещал Гитлера в тюрьме Ландсберга и помог ему восстановиться после освобождения.

Как до, так и после прихода нацистов к власти Ханфштенгль оставался в числе ближайшего окружения Гитлера. Он был веселым и забавным спутником во время политических кампаний. Благодаря его вовремя произнесенным шуткам и необыкновенному чувству юмора в нацистских кругах его воспринимали кем-то вроде шекспировского шута, способного обеспечить расслабление измотанному лидеру. Ханфштенгль не умолкал часами. За это он был вознагражден незначительной должностью пресс-секретаря НСДАП. На этом посту, который он занимал, пока не покинул Германию, Ханфштенгль стремился извлечь пользу для нацистского движения с помощью своих многочисленных влиятельных друзей за рубежом.

К концу 1934 года отношения между Гитлером и Ханфштенглем заметно поостыли. Путци пытался деликатно воздействовать на фюрера, чтобы несколько умерить его политические, религиозные и расовые воззрения, в то время как Гитлер не допускал никакого вмешательства в свои дела и негодовал при малейшем возмущении. На одном из многочисленных приемов Ханфштенгль во всеуслышание назвал министра народного просвещения и пропаганды д-ра Геббельса свиньей. Такого рода

откровенность не принесла ему любви со стороны нацистов. В марте 1937 года Ханфштенгль, почувствовав надвигающуюся на него опасность, покинул Германию. Впоследствии он узнал, что уже был задуман план его устранения – его собирались выбросить из самолета. 19 апреля 1937 года Геринг написал Ханфштенглю письмо, заверяя его, что все это было задумано как безобидная шутка:

Мы хотели дать вам возможность обдумать некоторые чересчур дерзкие высказывания, которые вы себе позволяли. И ничего более того. Даю вам слово чести, что вы можете оставаться здесь, среди нас, как вы делали всегда, совершенно свободно. Забудьте ваши подозрения и поступите разумно. Я надеюсь, вы благосклонно отнесетесь к моим словам.

Ханфштенгль не был склонен принять геринговское «слово чести» и остался в изгнании.

Во время Второй мировой войны Ханфштенгль служил в США, в Белом доме, экспертом по нацистским делам. После войны был интернирован. Освободившись, возвратился на родину. В 1957 году выпустил в Лондоне книгу «Гитлер: потерянные годы». Умер Ханфштенгль 6 ноября 1975 года в Мюнхене.

Такова официальная версия – Ханфштенгль был всего лишь придворным шутком Гитлера, не имевшим никакого политического веса. Мне почему-то в это не верилось. Ведь не зря говорят, что придворный шут – это самое влиятельное лицо в окружении монарха, поскольку он один может сказать королю правду, не опасаясь за последствия, может подтолкнуть к принятию важного решения. Придворный шут – это идеальная маскировка для человека, который хочет быть «серым кардиналом», которому по каким-то причинам не нужно, чтобы окружающие догадывались о его влиянии и власти.

Я еще раз внимательно перечитал текст. Ошибок и несоответствий в нем было полным-полно. Например, смехотворная история о бегстве Ханфштенгля из Германии. Если бы это действительно произошло вопреки воле Гитлера, Путци никогда не смог бы пересечь границу Третьего рейха – он слишком много знал! Таких людей живыми из страны не выпускают. Ссора с Гитлером была весьма популярной в нацистской среде инсценировкой, призванной скрыть важную секретную миссию. К примеру, когда Гесс улетел в Антарктиду, общественности это было преподнесено как ссора с фюрером и бегство в Англию. Когда Шеффер – глава знаменитой тибетской экспедиции – занялся таинственным проектом «Лапландия», о котором мне до сих пор известно очень мало, это тоже было подано как «ссора с Гитлером». На самом деле никаких ссор не происходило, людям просто нужна была легенда, для того чтобы быстро и тихо исчезнуть.

Еще одна любопытная фраза – о том, как Ханфштенгль получил «незначительную» должность пресс-секретаря в Министерстве иностранных дел НСДАП. Может, название звучит не слишком презентабельно, но на самом деле в руках Путци оказались важнейшие нити, связывавшие нацистов с зарубежными странами. Пресс-секретарь – это человек, который неформально общается не только с журналистами, но и с деловыми людьми и политиками других государств. При этом он может играть роль своеобразного посредника между, допустим, сливками Уолл-стрит и Гитлером. Можно ли называть такую должность «незначительной»? Лично мне так не кажется.

И напоследок: мне сильно резанула глаз фраза о том, что Ханфштенгль проникся «необъяснимой» симпатией к Гитлеру. Ничего необъяснимого, как известно, в природе не бывает. И я решил выяснить, при каких обстоятельствах Ханфштенгль познакомился с лидером нацистов.

И вот тогда мне открылись действительно удивительные факты...

Спаситель нацизма

В одной из своих книг известный американский журналист и писатель Уильям Ширер достаточно подробно рассказывает историю знакомства Ханфштенгля и Гитлера. По его словам, познакомил эту парочку не кто иной, как помощник военного атташе при американском посольстве в Берлине капитан Трумэн Смит. Произошло это следующим образом:

В ноябре 1922 года посольство командировало Смита в Мюнхен навести справки о малоизвестном политическом деятеле по фамилии Адольф Гитлер и недавно созданной им национал-социалистской рабочей партии Германии. Выбор пал на Смита потому, что тот, как никто другой, умел анализировать политическую ситуацию.

За неделю пребывания в Мюнхене (с 15 по 22 ноября) ему удалось встретиться с Людендорфом, кронпринцем Рупрехтом и еще с десятком политических деятелей Баварии, которые сообщили капитану, что Гитлер – восходящая звезда, что его движение стремительно набирает силу. Смит старался не терять времени даром и побывал на одном из нацистских сборищ где выступал Гитлер. «Ничего подобного в жизни я не видел, – записал он в своем дневнике после посещения митинга. – Встретился с Гитлером, и он обещал побеседовать со мной в понедельник и изложить задачи партии».

В понедельник Смит направился в резиденцию Гитлера («небольшую, скудно обставленную спальню на втором этаже убогого строения») и имел продолжительную беседу с будущим диктатором, которого тогда мало кто знал за пределами Мюнхена. «Потрясающий демагог! – Такую запись сделал в своем дневнике вечером помощник военного атташе. – Редко приходилось встречать столь последовательную и фанатичную личность». Запись датирована 22 ноября 1922 года.

Перед отъездом в Берлин Смит увиделся с Ханфштенглем, рассказал о своей встрече с Гитлером и посоветовал ему присмотреться к этому человеку. Вечером нацистский вождь должен был выступать на митинге, и капитан Смит передал Ханфштенглю свой журналистский пропуск. Последнего, как и многих других, поразило красноречие Гитлера; он разыскал его после митинга и вскоре стал сторонником нацизма.

Вернувшись в Берлин, где не знали о деятельности Гитлера, капитан Смит составил подробное донесение, которое 25 ноября 1922 года было направлено посольством в Вашингтон. Принимая во внимание время написания донесения, его можно считать своего рода уникальным.

Самой активной политической силой в Баварии в настоящее время является национал-социалистская рабочая партия Германии. Так как это в меньшей степени политическая партия, нежели народное движение, ее следует рассматривать в качестве баварского двойника итальянского фашизма... За последние месяцы партии удалось приобрести политическое влияние, явно не соответствующее ее численному составу...

С самого начала доминирующую роль в данном движении играл Адольф Гитлер. Не подлежит сомнению, что эта личность – один из важнейших факторов, содействующих успеху партии... Способность его воздействовать на широкие массы просто удивительна. В частной беседе Гитлер показал себя убежденным и последовательным, а в моменты

откровенности производил весьма глубокое впечатление на нейтрального слушателя своей фанатичностью.

Прочитав этот текст, я долго сидел и в оцепенении смотрел на страницы книги Ширера. Неужели американский журналист сам не понял, что он написал? Или, быть может, он элементарно боялся возможных последствий? Правда о Ханфштенгле буквально кричала со страниц этого документа. Неужели я – первый, кто смог прочесть даже не между строк, а сами строки?

Итак, американский дипломат заинтересовался гитлеровским движением и дал ему весьма высокую оценку. Сравнив нацистов с итальянскими фашистами, Смит фактически предсказал их дальнейшую судьбу – ведь Муссолини в Италии уже сумел прийти к власти. Американец шлет в Вашингтон донесение, в котором советует тщательно присмотреться к этой партии. Вспомним, что Смит слыл прекрасным политическим аналитиком и к его мнению прислушивались в Госдепартаменте. А значит, уже в конце 1922 года в США рассматривали нацистскую партию как восходящее светило на немецком политическом небосклоне.

И... при всей заинтересованности США в Германии не предприняли больше никаких попыток присмотреться к этой силе. Интерес официального Вашингтона к гитлеровскому движению угасает так же внезапно, как и возник. Парадоксально, не правда ли? Может, в США искренне ненавидели нацистов? Но Гитлер на тот момент не совершил еще никаких преступлений, а праворадикальная риторика была тогда вполне обыденным и повседневным явлением. Что же тогда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.